

Письма Т. Г. Шевченка къ Бр. Залескому.

(1853—1857 г.).

Сообщилъ М. Г—овъ.

(Продолженіе)*.

6.

8-го ноября 1854 г.

Каждое письмо твое, друже мой добрый, приноситъ мнѣ тихую, чистую, сердечную радость; но послѣднее твое короткое посланіе меня изъ мертвого съдѣлало, и крайней мѣрѣ, полуживымъ. Писалъ тебѣ о Даянлевскомъ, что онъ прогостилъ у насъ около двухъ мѣсяцевъ; въ продолженіи этого времени я съ нимъ сблизился до самой искренней дружбы. Онъ недавно уѣхалъ въ Астрахань, и я, проводивши его, чуть не одурѣлъ. Въ первый разъ въ жизни моей я испытуя такое страшное чувство. Никогда одиночество не казалось мнѣ такимъ мрачнымъ, какъ теперь, и письмо твое такъ кетати приплыло ко мнѣ, что я не знаю, какъ тебя я благодарить за его, друже мой единый! Съ полученіемъ твоего письма я началъ приходить въ себя, началъ чувствовать и думать; правда, что думы мои по прежнему не радужныя, но все-таки думы. Ты говорилъ, что ты сроднился въ своемъ углу съ безограднымъ одиночествомъ; я самъ тоже думалъ, пока не показался въ моей тюрьмѣ широкой человѣкъ! Человѣкъ умный и благородный, въ широкомъ смѣлѣ этого слова: и показался для того только, чтобы

*) См. явл. кн. «Кіев. Старинъ» на 1883 г., стр. 161—176.

встревожить мою дремавшую бѣдную душу; все-же я ему благодаренъ, и благодаренъ глубоко.

Сердечно благодарю тебя за извѣстіе о Варварѣ: цѣлую трижды добраго Аркадія. На счетъ мояха напиши ему, чтобы онъ не беспокоился: деньги у меня пока еще имѣются. Я тебя давно уже воображаю въ Оренбургѣ, и уже другое письмо адресую по прежнему адресу. Когда ты пріѣдешь въ Оренбургъ, то напиши мнѣ и сообщи свой настоящій адресъ.

Агата тебѣ кланяется, а Ираклій пишетъ тебѣ письмо и адресуетъ въ Богословскъ. Зелянскій посылаетъ тебѣ поклонъ. Почтарь стоитъ надъ головою и не даетъ писать. Извини меня, друже мой, за мое короткое письмо и не разлюбь искреннаго твоего—III.

Данилевскій тебѣ кланяется.

7.

10 февраля 1855 г.

Сердечно радуюсь твоему возвращенію, мой милый, мой сердечный, мой единый друже! Мнѣ легко и весело на сердцѣ стало, когда я прочелъ твое милое письмо, писанное уже въ Оренбургѣ. Мнѣ отраднo думать, что ты ко мнѣ хоть не совсѣмъ близко, а все таки приблизился на нѣсколько десятковъ миль, и теперь (завидую тебѣ, друже мой единый) любишься добрыми и сердцу милыми лицами Карла и Михайла, и мнѣ самому грустно думать, что для полной твоей радости не достаетъ тебѣ вдохновеннаго Сова; завидую и радуюсь твоею радостью, друже мой Богу милый!

Ты просишь Бога—увидѣться теперь со мною. О, какъ я прому Его объ этомъ! Но молитвы, знать, наши до него не скоро доходятъ. Вѣрнѣе-ли, мнѣ иногда кажется, что я и кости свои здѣсь положу, иногда просто и одурь на меня находить, такая жгучая, ядовитая сердечная боль, что я себя нигдѣ мѣста не нахожу, и чѣмъ дальѣе, тѣмъ болѣе эта отвратительная болѣзнь усиливается. И то сказать: видѣть передъ собою постоянно эти тупыя и въ добавокъ пьяныя головы—человѣку и болѣе меня хладнокровному немудрено съ ума сойти; и я въ самомъ дѣлѣ отчаиваюсь видѣть когда либо конецъ моимъ жестокимъ испытаніямъ.

Какое чудное, дивное созданіе непорочная женщина! Это самый блестящій перлъ въ вѣнцѣ созданій. Если-бы не это одно единственное, родственное моему сердцу, я не зналъ-бы, что съ собою дѣлать. Я полюбилъ ее возвышенно, чисто, всѣмъ сердцемъ и всей благодарной моею душою. Не допускай, друже мой, и тѣни чего либо порочнаго въ непорочной любви моей.

Она благодарить тебѣ сердечно за твое милое, искренное (письмо) привѣтствіе, а я и благодарить тебя не умѣю.

Ты спрашиваешь меня, можно-ли тебѣ взять кисть и палиттуру; на это мнѣ отвѣчать тебѣ и совѣтовать довольно трудно, потому что я давно не видѣлъ твоихъ рисунковъ и теперь я могу тебѣ сказать только, что говаривалъ когда-то ученикамъ своимъ старикъ Рустель, профессоръ рисованія при бывшемъ виленскомъ университетѣ: „*шесть лѣтъ рисуй и шесть мѣсяцевъ малой и будешь мастеромъ*“. И я нахожу совѣтъ его основательнымъ; вообще, не хорошо прежде времени привяматься за краски. Первое условіе живописи рисунокъ и круглота, второе колоритъ. Не утвердившись въ рисунокѣ, браться за краски—это все равно, что отыскивать почью дорогу.

Если можно достать въ Оренбургѣ хорошій пейзажъ, маслянными красками написанный, то попробуй его скопировать; но безъ хорошаго оригинала я тебѣ совѣтую кистей въ руки не брать.

Целуешь ты, почему я тебѣ не прислалъ *Тріо* или *Христа*; эти вещи черезъ почту посылать неудобно, а случаи здѣсь такъ рѣдки, или, лучше сказать, ихъ вовсе не бываетъ. Я началъ еще лѣпить, въ павданъ Христу, *Ивана Крестителя*, на текстъ „*Глазъ вопіющаго въ пустыни*“, и мнѣ-бы ужасно хотѣлося весной-же переслать тебѣ хоть форму, но не предвижу никакой возможности.

Кланяйся Карлу и скажи ему, что для смазыванія формы употребляется деревянное масло, смѣшанное съ свѣчнымъ саломъ по полажъ, алебастръ или гипсъ розводится въ густоту обыкновенной сметаны, и, заливши форму, нужно дать трое сутокъ сохнуть въ сухомъ и тепломъ мѣстѣ, или на солнцѣ; потомъ немного погрѣть передъ огнемъ и сей-часъ-же тоненькимъ ножомъ отдѣлать осторожно предметъ отъ формы; но и въ этомъ, какъ я во всемъ, важную роль играетъ опытъ.

Я чрезвычайно радъ, что тебѣ поручена новая бібліотека; лучше для тебя занятія и не могъ-бы придумать.

Какъ-бы я радъ былъ, чтобы ты сблизился съ В. А.

Посылки, о которой ты мнѣ пишешь, я еще не получила: она вѣрно заимовала въ Гурьевѣ.

Что мнѣ Сигизмондъ ¹⁾ ничего не пишетъ? Что онъ и гдѣ онъ? Напиши хоть ты объ немъ пару словъ. Что дѣлается съ Людвигомъ? и не извѣшь-ли какихъ извѣстій о А. П. и Фомѣ? Сообщи мнѣ.

А если увидишь Сову, или будешь писать ему, то разцѣлуй его за меня, за его прекрасные сердечные стихи. Мнѣ грустно, что я ему не могу ничево прислать своего произведенія. Онъ долженъ быть въ высшей степени симпатическій человекъ. Какъ-бы я былъ счастливъ, если-бы мнѣ удалось когда нибудь обнять и поцѣловать его!

Будешь писать къ Аркадію, кланяйся ему отъ меня. Кланяйся и Михайлу и вѣдь, кто не забудь меня.

Если увидишь Михайлова, скажи ему отъ меня, пускай опъ мнѣ напишетъ хоть что нибудь. Прощай, не забывай меня!

О чемъ такъ долго и такъ постоянно думаю, о томъ чуть было не забыть просить тебя. Увѣдоми меня, принялъ-ли В. А. ²⁾ представленіе Фреймана обо мнѣ и пошло-ли оно дальше? Если ты знакомъ съ Фрейманомъ, то попроси его, пускай онъ тебѣ покажетъ мою *Ночь* акварелью.

Мы здѣсь о зимѣ и попятія не извѣдемъ: въ продолженіи генваря мѣсяца съ 5° тепло не сходить, а я въ продолженіи всей зимы не снимаю кителя.

Кланяются тебѣ З. и Ираклій.

Прощай еще разъ, мой незабвенный другъ!

8.

25 сентября, 1855 г.

Вчера былъ я на Ханга-Бабѣ, обошелъ всѣ овраги, поклонился, какъ старымъ друзьямъ, деревьямъ, съ которыхъ мы когда-то рисовали, и въ самомъ дальнемъ оврагѣ—помнишь, гдѣ огромное дерево у са-

¹⁾ Страковский.—Пр. Бр. З—аго.

²⁾ Василій Алексѣевичъ Перовскій.—Пр. Б—аго.

много колодца обнажило свои огромные старые корни?—подъ этимъ деревомъ я долго сидѣлъ. Шель дождикъ, пересталъ; опять пошелъ, я все не трогался съ мѣста; мнѣ такъ сладко, такъ пріятно было подъ вѣтвями этого стараго великана, что я просидѣлъ-бы до самой ночи, если-бы не охотники (чтобъ имъ ни одного воробья не застрѣлить) меня потревожили. О, какія прекрасныя, свѣтлыя отрадныя воспоминанія въ это время пролетѣли надъ моею головою! Я вспоминалъ нашъ каратовскій походъ со всеми его подробностями, тебя, Турно и кой-гдѣ изрѣдка Антопова; я ояъ, хоть это весьма рѣдко бывало, иногда похожъ на человека. Когда-же воспоминанія мои перенеслись на Ханга-Бабу, я такъ живо представилъ себѣ это время, что мнѣ показалось, будто-бы ты сидишь здѣсь за деревомъ и рисуешь; я тогда только опомнился, когда позвалъ тебя, и ты не отозвался; а тутъ и охотники пришли. Походъ въ Каратау на долго у меня останется въ памяти, навсегда.

И уже двѣ почты пропустилъ, не писалъ тебѣ; чуть было и третьей не пропустилъ; а возвратясь изъ Ханга-Бабы, выдержалъ порядочный пароксизмъ лихорадки; боялся, чтобы не продлилась, но теперь, слава Богу, ничего: какъ съ туся вода. Я извиняю себя еще и тѣмъ, что письмо мое все равно дождало-бы тебя на почтѣ, пока ты возвратился изъ Уфы. Напиши мнѣ подробнѣе, добрый мой друге, о бѣдномъ нашемъ Совѣ: какъ и чѣмъ онъ живетъ и что онъ дѣлаетъ? Напиши все: меня глубоко трогаетъ этотъ страдалецъ.—Что дѣлаетъ Турно и гдѣ онъ? Письмо вдохновеннаго Сигизмунда ¹⁾ я съ наслажденіемъ прочиталъ. Настоящій поэтъ! Не отвѣчаю ему теперь, потому что надѣюсь вскорѣ съ нимъ увидѣться въ Акъ-Мечети; а надѣюсь я потому, что ты мнѣ пишешь, не хочу-ли я туда? Хочу, куда угодно хочу! потому что я начинаю одурѣвать въ этомъ безотраднороднообразномъ прозябаніи. Прошу тебя, Карла и всѣхъ добрыхъ людей, кто можетъ помочь мнѣ хотя единымъ словомъ. Въ Акъ-Мечети хотя я не предвижу для себя слишкомъ отрадной перспективы, но по крайней мѣрѣ не буду видѣть этихъ голыхъ сѣрыхъ скалъ, которыя мнѣ

¹⁾ Сигизмундъ Испатовичъ Страковский, тогда солдатъ, впоследствии подполковникъ генеральнаго штаба, повѣшенный въ Вильнѣ въ 1863 г., во время послѣдняго польскаго возстанія.—Пр. Бр. З—скаго.

до того опротивѣлъ, что я радъ спрятаться отъ нихъ, но увь! куда спрятаться?

Послалъ я тебѣ съ Зелинскимъ экземпляръ *Трио*, а съ Фрейманомъ экземпляръ Спасителя; сходи ты на квартиру Фреймана и у слуги его Матвѣя спроси ящикъ на твое имя; кромѣ медальона, найдешь ты въ ящикѣ книги, которыя прошу тебя отдать переплести въ два или въ три волюма, какъ ты найдешь лучше, и оставь ихъ у себя до весны, а весной, если я останусь здѣсь, то перешли мнѣ ихъ. Я послалъ эти книги въ Астрахань, и, вообрази себѣ, губернской и еще портовый городъ переплетчика не имѣеть! Настоящіе скифы!!

Если ты можешь какънибудь узнать о судьбѣ *Княгини*, то сообщи мнѣ: меня она очень безпокоитъ. Узнай, Бога ради, ибѣль-ли у Карла мой тюкъ съ платьемъ; тамъ есть въ карманѣ, въ пальто, дюжину двѣ карандашей Фаберъ М 3; возьми ихъ себѣ, а платье прибереги. Я не знаю, на чемъ я основываю надежду, а мнѣ кажется, что я это пальто носить еще буду, если его моль не съѣла. Нельзя-ли тебѣ будетъ достать, хоть у топографовъ, пару акварельныхъ кистей: у меня одна единственная осталась, да и та исцуглена.

Я тебѣ надоѣдаю своими просьбами; по что-же дѣлать мнѣ? кромѣ тебя обратиться не къ кому, а въ тебѣ я совершенно увѣренъ, что ты не назовешь меня надоѣдалой, попрошайкою.

Вчера не дали мнѣ кончить письмо, а сегодня, вопреки ожиданію, пришла почта и привезла твое второе письмо съ драгоценнымъ для меня подаркомъ, съ портретомъ Соны. Я не знаю, какъ тебя и благодарить, друже мой, за этотъ подарокъ. Что-то близкое, родное я вижу въ этомъ добромъ, задумчивомъ лицѣ; мнѣ такъ любо, такъ отрадно смотрѣть на это изображеніе, что я нахожу въ немъ самаго искренняго, самаго задушевнаго собесѣдника! О, съ какимъ-бы наслажденіемъ я прочиталъ-бы теперь его *Гордана*! Но это желаніе несбыточное. Благодарю тебя, тысячу разъ благодарю за этотъ сердечный подарокъ.

Ты пишешь, что желалъ-бы сблизить меня съ нимъ покороче. Дай Вогъ, чтобы всѣ люди были такъ коротко близки между собою, какъ мы съ нимъ; тогда-бы на землѣ было счастье! Пиши ему и цѣлуй его за меня, какъ моего роднаго брата. Если ты хочешь, чтобы моя радость была полная, то въ первое твое письмо, которое ты мнѣ на-

пишешь, вложи свой портретъ и портретъ Михайла, а если можно, то и Карла,—ты меня этимъ подымеешь на седьмое небо.

Боже мой! Когда я увижу тебя? Когда я увижу доброе лицо Михайла и Карла? Грустно! Невыразимо грустно это безконечное ожиданіе.

Ты пишешь, что къ вамъ прѣхали два просвѣщенныя любителя прекраснаго искусства; сердечно радуюсь такому рѣдкому явленію и душевно желаю, чтобы ты съ ними скорѣе познакомился; быть можетъ въ самохъ дѣлѣ ты встрѣтишь въ ихъ коллекціяхъ что нибудь замѣчательное, а это для тебя необходимо. Истинно изящное произведеніе на художника и вообще на человѣка сильнѣе дѣйствуетъ, нежели самая природа. Говорить, что будто бы въ коллекціи начальника штаба есть оригиналы голландскихъ мастеровъ. Дай Богъ, чтобы это была правда! Я вотъ почему сомнѣваюсь: всѣ произведенія голландскихъ артистовъ XVII вѣка на перечесть, а въ послѣдующемъ столѣтіи Голландія была бѣдна замѣчательными мастерами. Но все таки лучше увидѣть что нибудь, нежели не видѣть ничего.

Прощай, мой единственный друже! Кланяйся Средницкому и *ojcu prefektu* и не забудь мнѣ написать объ Аркадіѣ. —

Не знаю, имѣлъ-ли какое вліяніе на судьбу мою всемиловѣйшій манифестъ.

Съ послѣдней морской почтою пошлю тебѣ что нибудь въ родѣ Монаха, а теперь ничего не имѣю конченнаго, да правда и кончить порядочно нечѣмъ.

-9.

21 апрѣля.

Христось Воскресе!

И такъ давно не писалъ тебѣ, искренній мой друже, что теперь не знаю, съ чего и начать? Начну съ сердечной моей благодарности за твою пересылку, которую получилъ я отъ И., и за будущіе твои пересылки, о которыхъ ты мнѣ пишешь; еще разъ благодарю. Что-же я тебѣ пошлю? Ровнотъ на судьбу, ничего больше; а впрочемъ, кромѣ этой грустной посылки, посылаю тебѣ два куска шерстяной матеріи;

любой изъ нихъ выбери себѣ на память обо мнѣ, а другой продай и пришли фотографіи. Еще посылаю тебѣ *Варнака* и *Княгиню*; прочитай ихъ и поправь, гдѣ нужно, отдай переписать и пошли по слѣдующему адресу: „въ С.-Петербургѣ, въ академію художествъ, художнику Николаю Осиповичу Осипову ¹⁾, на квартирѣ графа Толстаго, — а если имѣешь тамъ добраго и надежнаго человѣка, то пошли на его имя для извѣстнаго употребленія. Еще посылаю тебѣ случайно мнѣ попавшееся въ руки объявленіе о изданіи „*Monumenta Regum Poloniae Cracovientia*“. Мнѣ кажется, что это хорошее изданіе, то не вздумаешь-ли ты его выписать.

Ты такъ прекрасно говоришь мнѣ о генералѣ Бюро, что и я полюбилъ его такъ, какъ ты его любишь; это явленіе весьма рѣдко между господами генералами. Жаль, что онъ скоро, какъ ты говоришь, оставляетъ Орелбургъ. Опъ, говорятъ, пользуется хорошимъ вниманіемъ графа В. А. ²⁾. Попроси его, не можетъ-ли онъ для меня сдѣлать что нибудь, хоть вырвать меня изъ этого проклятаго гнѣзда. Я не знаю, что думать о моемъ упорномъ несчастіи. Львовъ-ли причиною его, или кто нибудь выше его? Во всякомъ случаѣ безъ В. А. ³⁾ для меня никто ничего добраго сдѣлать не можетъ, окромѣ государя. Напиши ты Аркадію и проси его отъ меня, чтобы онъ повидался, или написалъ Варварѣ на счетъ прошенія на высочайшее имя; она не должна отказать во имя нашей дружбы и христіанскаго милосердія.

Теперь долженъ быть въ Оренбургѣ А. И. Бутаковъ ⁴⁾; кланяйся ему отъ меня и проси его, не можетъ-ли онъ ходатайствовать обо мнѣ у В. А., проси его, проси всѣхъ, мой нелицебный друже! Тебѣ болѣе, нежели кому нибудь, извѣстно мое горькое положеніе. Такое продолжительное испытаніе, какъ я терплю, извиняетъ меня передъ тобою въ моей назойливости. Постоянное несчастіе и твердѣйшіе характеры разрушаетъ, а мой и въ лучшее время принадлежитъ къ числу непрочныхъ.

¹⁾ О немъ см. въ книгѣ г. Чалаго, стр. 89 и далѣе.

²⁾ Василя Алексѣевича Перовскаго. — Бр. 3.

³⁾ Тоже.

⁴⁾ Объ отягощеніяхъ его къ III—ку см. у г. Чалаго, стр. 74.

Съ слѣдующей ночью, если буду въ силахъ, напишу Совѣ, а въ настоящее время я такъ встревоженъ, такъ нравственно убитъ, что не могу простой мысли связать въ головѣ моей бѣдной, а не то, чтобы написать чтонибудь похожее на дѣло. Пиши ему, цѣлуй его отъ меня, желай ему, какъ и я желаю, полного здоровья и всякаго счастія.

Кланяйся отъ меня Карлу, и не забудь прислать мнѣ фотографическое полиціе.

Цѣлую Михаила, Людвигъ, Евстафія, Сигизмунда и всѣхъ меня помнящихъ. Прощай, мой единственный друже! Не забывай меня.

Я пишу тебѣ такъ рѣдко и такъ мало, что мнѣ совѣстно передъ тобою; но что дѣлать? Самъ знаешь, о чемъ я здѣсь могу писать пространно, или хоть даже кратко, но о чемъ? однообразіе и тоска!

Чуть было не забылъ. Бюро совѣтуетъ тебѣ оставить службу и посвятить себя искусству. Онъ имѣетъ основаніе такъ тебѣ совѣтовать: у тебя есть любовь къ искусству, а это вѣрное ручательство за успѣхъ. Однако съ оговоркою: къ любви нужно прибавить хоть самое умѣренное обезпеченіе, по крайней мѣрѣ лѣтъ на пять, чтобы прежде времени не начать работать изъ-за насущнаго хлѣба. Нужда охолодитъ любовь и тогда все пропало. Я больше ничего не могу сказать, искренный друже!

10.

10 іюня 1856 г.

Сегодня я получилъ твое во всѣхъ отношеніяхъ для меня дорогое письмо. Сегодня-же и отвѣчаю, сегодня вечеромъ и почта отходитъ и если мало напишу тебѣ, то это извини мнѣ, друже мой единственный.

Я началъ уже было на тебя сердиться за твое долгое молчаніе, забывши мудрое правило: „Когда нечего сказать добраго, то лучше молчать“. Ты мнѣ напомнилъ это правило и я тебѣ благодаренъ. Все посланное тобою я получилъ съ благодарностью. Карандаши еще не пробовалъ, да не на чемъ, правду сказать, и пробовать; мнѣ здѣсь все, начиная съ людей, такъ омерзѣло, что я и не смотрѣлъ-бы на ничто. Пишешь ты, что Карлъ не нашелъ моихъ карандашей; онъ вѣроятно забылъ или совѣтъ не знаетъ, гдѣ онѣ хранятся. У него оставилъ я небольшой тюкъ съ платьемъ; тамъ, между прочимъ, есть пальто,

а въ томъ пальто въ карманѣ двѣ дюжины карандашей Фабера № 3. Если найдешь ихъ, то возьми себѣ, а для меня и присланныхъ тобою на долго станеть, потому что терминъ моего заключенія безконеченъ, а здѣсь совершенно дѣлать нечего. Приѣхалъ сюда старикъ Козловъ Штейгеръ,—помнишь, что съ Антоновымъ ходилъ въ Кара-Тау. Онъ тоже теперь отправляется тамъ для собранія коллекцій окаменѣлостей. Думалъ было и я съ нимъ проситься, да раздумалъ. Хорошо, весело было тогда намъ съ тобою; одному было-бы мнѣ точно также скучно, какъ и въ укрѣпленіи, съ тою развѣ разницею, что я долженъ былъ подчиняться пьяному козачьему офицеру; и это то больше и было причиною моего раздумья.

Я очень радъ, что ты оставилъ масляныя краски, и очень не радъ, что ты занимаешься теперь фотографією. Она у тебя много времени отнимаетъ теперь, а послѣ, я боюсь, ты увлечешься ею, когда покажутся удовлетворительные результаты. Это дѣло химіи и физики; пускай Михайло и занимается имъ, а тебѣ это, какъ художнику, повредить. Фотографія какъ ни обольстительна, а все таки она не заключаетъ возвышеннаго прекраснаго искусства. А между прочимъ если ты не читалъ, то прочитай прекрасную статью Хотинскаго и Писаревскаго о фотографіи въ Современникѣ за 1852 г., не помню какой №.

Сигизмунду и Алексѣю я писалъ, будучи совершенно увѣренъ, что они въ Оренбургѣ; но это все равно: благодарю тебя, что отослалъ имъ письмо. Я писалъ Алексѣю, чтобы онъ справился черезъ своихъ знакомыхъ въ Петербургъ о рукописи *К. Дармограя*; но такъ какъ ему теперь почти невозможно, то прошу тебя, если ты имѣешь знакомаго въ столицѣ, то чтобы онъ зашелъ въ контору „Отечественныхъ Записокъ“ и взялъ (если она только не напечатана) рукопись подъ названіемъ: *Княгиня, К. Дармограя*, и прислалъ-бы ее тебѣ, или передалъ въ другой журналъ; если-же напечатана, то что-бы сдѣлалъ условіе съ редакторомъ, на какихъ условіяхъ можетъ К. Дармограй доставлять въ редакцію свои рукописи. У Карла есть братъ въ Петербургѣ, попроси его,—у меня тамъ знакомыхъ не осталось.

А между прочимъ скажи ты мнѣ ради всѣхъ святыхъ, откуда ты взялъ эти вялые, лишенные всякаго аромата, *киевскіе ландыши*? Бѣдные земляки мои думаютъ, что на своемъ чудномъ нарѣчій они

имѣють полное право не только что писать всякую чепуху, но даже и печатать! Бѣдныя! и больше ничего. Миѣ даже совѣстно и благодарить тебя за эту, во всѣхъ отношеніяхъ тощую, книжонку.

Trio пришлю тебѣ съ Зелинскимъ. Вѣроятно вамъ опыты не удались по моимъ наставленіямъ; хотѣлъ я и книги твои переслать тебѣ съ нимъ, но онъ не беретъ. Перешлю осенью съ Штейгеромъ.

Много еще кое-чего нашлось-бы передать тебѣ, друже мой; но почта на носу виситъ, а потому и кончаю. Бывай здоровъ и счастливъ, мой друже единый. Пиши и цѣлуй отъ меня Сову. Кланяйся Карлу и Михайлу и Сталкевичу. Прощай.

Повидайся съ Лазаревскимъ и попроси его, чтобы онъ сообщилъ тебѣ адресъ своего старшаго брата, а ты сообщи его миѣ.

Узнай, пожалуйста, у Карла, цѣль-ли мой альбомъ?

11.

10 апреля.

Я ничего не пишу тебѣ съ этою почтою, мой друже единый, потому что добраго написать нечего, а о скверномъ, то узнаешь изъ письма А. П. Прошу тебя только, если ты можешь, объясни миѣ, что все это значитъ. Такимъ родомъ могло быть предпочтено представленіе генерала представленію майора? Это для меня вопросъ темнѣе безлунной ночи. Напиши миѣ, кто такой Сталкевичъ? Я знаю, что это добрый человѣкъ, и больше ничего не знаю.

Въ послѣднемъ моемъ письмѣ я забылъ тебѣ сказать, чтобы ты ходилъ въ свободное время за Уралъ въ паркъ или рошу и дѣлалъ этюды; тамъ есть образцы живописныхъ деревьевъ. И еще разъ скажу тебѣ: съ масляными красками будь остороженъ, пока не утвердишься въ карандашѣ. Ничего больше теперь не имѣю сказать тебѣ. Прощай! Не забывай меня, мой единый друже! Цѣлуй *ojca prefekta*, Карла, Цейзика и всѣхъ, кто вспомнитъ обо миѣ.

Въ продолженіи восьми лѣтъ, кажется, можно-бы было ирѣчить себя ко всѣмъ неудачамъ и несчастіямъ, — ничего не бывало... Настоящее горе такъ страшно потрясло меня, что я едва владѣлъ собою. Я до сихъ поръ еще не могу прійти въ себя; въ такихъ случаяхъ ну-

жени сердце самый искренный, самый безкорыстный другъ. Полуучастью тужу не мѣсто; оно хуже холоднаго эгоизма.

Счастливы тѣ, для которыхъ слово: «участіе» больше ничего, какъ пустое слово! Когда я доживу до этого счастья?

А моя нравственная, моя единственная опора, и та въ настоящее время пошатнулась, и вдругъ сдѣлалась пустой и безжизненной: картежница, ничего больше! или это мнѣ кажется такъ, или оно въ самомъ дѣлѣ такъ есть. Я такъ ошеломленъ этою неудачею, что едва различаю черное отъ бѣлаго.

Когда будешь писать Совѣ, кланяйся ему, а мнѣ объ немъ напиши подробнѣе, потому что я знаю его, какъ поэта, и ничего больше.

Прощай, мой друже! Кернера и прочее я получалъ исправно. Теперь ожидаю карадашей и, если можешь, то пришли 1 и 2 томы В. Zaleskiego.

(Окончаніе слѣдуетъ).